

БЕЛЫЙ

Маст

Сборник

АЛЕКСАНДР
ИВАНОВ

16+

Александр Иванов

Белый лист

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Иванов А.

Белый лист / А. Иванов — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Размышления о важнейших жизненных ценностях, внутренней гармонии, многомерности человеческого естества, любви и близости, сочувствии и внутреннем достоинстве, самоиронии и неожиданных поворотах судьбы, а также о других моментах, которые неизменно волнуют человеческую душу.

Содержание

Билет домой	5
Белый лист	12
Глава 1	13
Глава 2	14
Глава 3	16
Глава 4	17
Глава 5	18
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	23
Потерянный хвост	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Билет домой

Рассказ

– Я всегда сравнивал японские машины, желая подчеркнуть их качество, с хорошими жёнами: не изменяют, радуют своих мужчин, долго находятся в хорошем физическом состоянии. Но и их меняют! Такова жизнь, брат!

– Когда шестидесятилетний фермер берёт в жены молодую официантку из соседнего бара, все вокруг называют его дураком... Так называемый “кризис среднего возраста”, Глебушка, случается от безделья, избытка “бабла” и собственной глупости. Юлька-то приезжая?

Они сидели за столиком в модном ресторане, в центре Москвы. Их женщины отошли “припудрить носики”. Ночная заснеженная Москва куда-то мчалась и сверкала за окнами.

– Да погоди ты! Понимаешь, Иван, что-то стало не так. Мужчине ведь хочется, чтобы на него смотрели снизу вверх. Хочется кого-то удивлять. А на тебя смотрят как на привычную вещь, как на домашние тапочки... Спокойно, конечно, и комфортно, но...

– Так у тебя с Юлькой всё серьёзно?

– Боюсь сглазить. Чувствую себя на двадцать пять. Мне кажется, я ей нравлюсь. Распишемся, наверно.

– А Наталья как?

– Ты знаешь – спокойно! Мне как-то не по себе! И смотрит так сочувственно... Меня это даже злить стало!

– Да любит она тебя, дурака... Но мой совет – не торопись! И не забывай, что ещё древние говаривали: “Бойтесь приезжих, дары приносящих!”.

– Ладно. Давай за нас!

Они чокнулись бокалами и выпили.

Вернулись женщины. Они о чём-то оживлённо разговаривали. Рядом с супругой Ивана, Юлия показала Глебу стройным экзотическим цветком.

Этот день успешного предпринимателя Глеба Чибисова начинался как всегда. Плотно позавтракав, он сел в свою машину и к десяти обычно добирался на работу в своё издательство. Дела шли неплохо. Несмотря на “толкотню” на рынке и происки конкурентов, бизнес расширялся. Его доля в предприятии позволяла ему жить безбедно, но оставлять кресло главного редактора он не хотел. Боязно было “отдать вожжи” в чужие руки. Он любил своё дело. Любил заведённый ритм жизни и круг общения. Издательство “Глобус” было в надёжных руках. Пакет изданий был расписан. Авторы толпились с предложениями.

В машине негромко звучало радио.

– ...известный режиссёр Фёдор Кондарчук... – Он уловил прозвучавший из динамиков голос диктора и увеличил громкость на автомагнитоле.

В своё время в самом начале им здорово помог, ныне ставший культовым, режиссёр Кондарчук. Глеб всегда об этом помнил и подчёркнуто сердечно приветствовал этого деятеля кинематографии при встречах на московских тусовках. Случая хоть чем-то вернуть “долг” не представлялось.

Последние несколько месяцев его закружил роман с Юлией. В свои сорок пять его, как, наверное, любого мужика, успешного в делах, радовало внимание молодой, красивой женщины. Первые пару месяцев они занимались любовью в любых подходящих для этого местах. Это было главным смыслом того времени.

С прежней супругой Натальей они прожили больше двадцати лет. Глеб оставил ей квартиру в Сокольниках. Развод ещё не был оформлен, и они изредка перезванивались по необходимости. Их сын Данила уже второй год обучался в закрытой школе в Швейцарии. На кани-

кулы он должен был приехать в августе. Раньше времени о происходящем между ними Глеб и Наталья решили ему ничего не говорить.

С Юлией он проводил много времени. Вместе они обустроивали его новую квартиру в центре, бывали в кино и ресторанах. Всё вроде бы было хорошо, но в последнее время в душе у Глеба завёлся какой-то маленький червячок. Ему, как человеку, тесно связанному с литературным творчеством, произвольно резали ухо любые “хромые” обороты речи. Неправильное применение иностранных слов вызывало зубную боль. За это, кстати, поплатилась местом его первая секретарша.

Поначалу он относился к “этому” у Юлии так, как относятся взрослые к проявлениям детской непосредственности. Затем стали выясняться удивительные провалы в её познаниях об окружающем мире. Первая волна любовной лихорадки закончилась, и зашевелился тот самый червячок. Раньше Чибисов не очень задумывался о молодом поколении и возрастной разнице в двадцать лет. И вот теперь эта молодость лежала в его постели. Высоцкого она не слушала...

После очередного занятия любовью в его гостиной перед камином, они в блаженной истоме валялись на ковре, глядя на огонь.

– Ты словно Гектор, а я Андромеда...

– Что-что? Ты, наверно, хотела сказать Андромаха?

– Ну, милый, не придирайся... Разве это так важно?

И действительно, в первое время это было не важно.

Сегодня на утро было запланировано несколько встреч с прозаиками. А пока перед ним лежала, давно ожидавшая прочтения, рукопись с рассказами. Фамилия автора ему ничего не говорила, кроме того, что, кажется, ещё Наталья пыталась обратить на этого автора его внимание. Он отложил в сторону туго скреплённую пачку листов. Читать не хотелось. Он уставился в окно, созерцая белые крыши домов.

Кондарчук позвонил ему на мобильный после обеда, когда он уже был на рабочем месте – у себя в кабинете.

– Привет, Глебушка! Вот проезжаю мимо твоего логова. Решил заскочить. Ты на месте? Принимаешь ещё старых знакомых? Или держишь в приёмной?

– Ну что за вопросы, Фёдор Сергеевич! Обижаешь. Жду!

Он встречал Кондарчука у дверей офиса. Они пожали друг другу руки. Прошли к нему в кабинет.

– Давай-ка без “Сергеевичей”, попроще!

– Кофе? Чай?

– Кофе чёрный, если можно.

– Что привело к нашему порогу?

– Ах вы, москвичи неверующие! Везде-то вы подвохи видите! Да просто так заехал.

Фёдор повернулся к окну и задержал взгляд на веренице автомобилей, движущихся по Тверской улице.

– Исписались ныне сценаристы... Чем, думаю, чёрт не шутит, может и из вашего очага какая искра вылетит! У вас же тут склад идей!

Из приоткрытой форточкой неожиданно подул ветерок, зашелестев страницами лежавшей на краю стола рукописи.

– А что это у тебя? – Кондарчук взял в руки отложенную Глебом аккуратную кипу листов.

Чибисов не успел ответить – вдруг ожил селектор. По прямой связи вызвала секретарша.

– Глеб Валентинович, вас срочно просит перезвонить Берсенев. Как обычно ему на мобильный.

– Буквально одну минуту, Фёдор, извините... Может, ещё кофе?

Вернувшись в кабинет через пару минут, Глеб застал Кондарчука увлечённо читающим тот же сборник рассказов.

Они перекинулись ещё парой фраз. Затем гость, поглядев на часы, заторопился:

– Ну ладно, мне пора. Ты позволишь мне это почитать? Заберу с собой.

– Ради бога! Рад хоть чем-то быть тебе полезным.

Он проводил гостя до дверей лифта, и они попрощались.

Через день раздался звонок от Кондарчука.

– Привет Глебу Чибисову!

– Здравствуй, Фёдор!

– Слушай, я тут вычитал кое-что у твоего автора. Ты мне можешь его организовать для встречи?

– Проскурин, кажется? Да не вопрос! Сделаю что смогу. Постараюсь вызвонить в ближайшее время.

– Ну и ладушки! Бывай!

Трубку по указанному писателем номеру никто не брал, и Чибисов решил заехать к нему домой. В бумагах был указан адрес в ближайшем Подмоскowie, который удачно совпадал с направлением, по которому он ездил к себе на дачу.

Предварительно посмотрев карту в интернете, он быстро нашёл указанный дом в посёлке Кузменково. Развернув свой “Крузер”, он перешёл через улицу и вошёл в небольшой двор через незапертую калитку.

Собачья будка казалась необитаемой. Входная дверь обычного одноэтажного, обложенного красным кирпичом дома оказалась не запертой. Приоткрыв её, он крикнул вовнутрь:

– Есть кто-нибудь? Хозяева! – В прихожую, куда он вошёл, еле доносились звуки радио, работавшего в доме. Он прошёл дальше.

И только войдя в освещённую гостиную и затворив за собой дверь, он увидел ноги человека, лежащего на полу справа за столом. Глеб сделал ещё два шага вперёд и остолбенело остановился; перед ним, неловко подвернув под себя руку, в луже крови лежал мужчина. Кровь уже успела растечься большой лужей из-под тела, распростёртого перед ним. На спине, одетой в серую толстовку, были чётко видны два пулевых отверстия. Мужчина лежал затылком к нему, но даже так было ясно – он мёртв. Несколько секунд Глебу понадобилось, чтобы прийти в себя. Сердце бешено колотилось в груди.

Он почему-то медленно повернулся и направился к выходу, с досадой отметив, что наследил своими ботинками на светло-коричневом полу.

Открыв дверь из прихожей на улицу, он остановился. Перед ним, загораживая вход, сидела крупная овчарка. Увидев его, она угрожающе зарычала. Дорога была закрыта. Мысли Глеба лихорадочно заработали. Он захлопнул дверь и кинулся к дальнему окну в прихожей, которое выходило прямо к калитке.

Деревянные, крашенные белой масляной краской окна не поддавались. С трудом открыв одну створку небольшого окна, он попытался вылезти наружу. Его крупное тело с трудом протискивалось в узкое пространство. Уже почти выбравшись наружу, упершись руками в снег под окном, он задел стекло каблуком. Услышав звон разбитого стекла, он ощутил, как в левую руку впился осколок. Следы крови стали отчётливо видны на снегу. Залаяла собака. Он почти бегом пошёл к машине, на ходу доставая носовой платок. Его трясло. Он сел в машину и поехал в Москву.

Вечером он долго не мог уснуть.

Утром следующего дня ему пришлось выпить несколько чашек крепкого кофе, прежде чем он пришёл в себя. Просматривая почту, Глеб обнаружил письмо от неизвестного адресанта. К нему были прикреплены несколько файлов, содержавших информацию, из которой можно было сделать однозначный вывод – убийца он, Глеб Валентинович Чибисов!

В одном из “конвертов” находилась вырезка из местной газеты с короткой новостной заметкой о произошедшем убийстве господина Проскурина. В ней был указан тот же адрес и

время, совпадающее со временем визита Чибисова. В следующем файле была запись с веб-камеры, на которой отчётливо было видно, как он заглядывает в прихожую и проходит в дом. В третьем и четвёртом файлах были фото его следов, оставленных на полу в доме, и снимок капель крови на снегу под окном.

Словно приступ тошноты, Глеб испытал давно забытое чувство страха. Он постарался успокоиться, но это ему не удалось. Просмотрев всё ещё раз, перечитал послание: “Надеюсь на Ваше благоразумие и правильное понимание собственных интересов. На этот адрес Вы должны сообщить о готовности выкупить у меня эти улики. Ответ должен быть дан немедленно. В случае, если сегодня до 12-00 не будет ответа, я передаю их по назначению. Выкуп в пять миллионов рублей должен быть готов послезавтра к 18-00. Ваш доброжелатель”.

Но кто он, этот “доброжелатель”? Кто его мог подставить? В голову не приходило ничего.

Вспомнилась давняя случайная беседа со следователем прокуратуры, который в неформальной обстановке, простым языком описал “внутреннюю кухню” следственных органов, скрытую от глаз обывателя. Сколько у нас “ошибок следствия” и невинно сидящих граждан. Этот работник юстиции обыденным тоном рассказывал о “подгонке” деталей и обстоятельств уголовных дел так, словно речь шла о транспортировке бочкотары, а не о человеческих судьбах... Из задумчивости его вывели слова телеведущей, прозвучавшие с экрана панели, висящей в правом верхнем углу его кабинета. Его слух непроизвольно уловил тематику разговора собеседников на экране. Увеличив громкость, Глеб вслушался в слова.

Передача была о реформах в правоохранительных органах и, в частности, о выделении следствия в самостоятельную структуру. Приводились и обсуждались цифры негативной статистики и критерии ведения следствия, результаты скандальных дел. Участники передачи единодушно признавали крайне неудовлетворительным существующее положение в следственных органах.

Его теперь это могло коснуться непосредственно. Это уже не было “сухой статистикой”.

Представить своё существование в тюрьме он не мог. Это казалось ему загробной жизнью... Мысль об обращении в полицию отпала как-то сама собой.

Почему-то сразу с тоской вспомнилась Наталья и их последняя встреча. Вспомнился Данила. От этого засосало под ложечкой.

– Катенька, набери мне Кондарчука, пожалуйста! – произнёс он в решётку селектора.

Фёдор ответил почти сразу. Чибисов старался говорить обычным голосом.

– Привет, Глебушка! Какие новости?

– Здравствуй! Я по нашему давешнему разговору про этого автора Проскурина. Не могу его выловить! Буду продолжать и, если найду, отзвонюсь. Но думаю, что материалом можно пользоваться.

– Да я так же подумал. Ну, бывай! – Связь прервалась.

“Я согласен. Но где гарантии?” – это сообщение ушло через несколько минут на адрес неизвестного “доброжелателя”. Работой Глеб заниматься больше не мог. Он стал прикидывать: как собрать нужную сумму. Она не очень смутила его. Что-то наскребёт у себя в издательстве. Что-то до вечера успеет взять в банке экспресс-кредитом. Придётся звонить друзьям... Нужно торопиться. Времени было в обрез.

Войдя в квартиру, Глеб услышал звук включённого телевизора. Юлия смотрела какой-то фэшн-канал, сидя на диване в гостиной. Он давно сам вручил ей комплект ключей от квартиры. Она уже заняла один из шкафов под свои вещи.

На столике, перед телевизором, стояла открытая бутылка вина и бокал.

– Привет, милый! Я соскучилась... – Она обняла его и вытянула губы для поцелуя. – Что-то ты сегодня не в духе.

– Привет! Не видел тебя два дня... Ты где пропадала?

– Да так, дела-заботы... Долго рассказывать. А что за допрос?

В первый раз за всё время Глеб почувствовал раздражение в присутствии Юлии. Неожиданно подумалось: спросила бы, как дела, что ли!

Он открыл холодильник и, достав лёд, бросил его в стакан. Достал из буфета бутылку “Блэк Лэйбл”. Налив скотча до половины, сразу же выпил. Налил ещё.

– Ну, как наша поездка на Бали, милый? Ты всё распланировал? Деньги внёс? Кстати, моя хорошая подружка со своим бойфрендом тоже там будет в это время! Класс! Прямо уже хочу! Только, котик, я умоляю – отель не ниже пятёрки.

– Не только поездку, но и шубу на твой день рождения придётся отменить. Вот такие пироги...

– Как... Ты, наверно, пошутил, милый? – Её фигура неподвижно застыла посреди комнаты.

– Ничуть. У меня крупные неприятности... Если не сказать хуже. Срочно нужны деньги.

Юлия отошла к окну. Сложив на груди руки, она молча смотрела на улицу. От выпитого виски Глебу стало тепло. Напряжение спало. Он выпил ещё.

– Значит, ни дня рождения, ни поездки, ни шопинга... Время до Нового года и после – коту под хвост...

Этот вечер был первым, когда они не занимались любовью.

Утром в почте он обнаружил очередное послание от “доброжелателя”: “Умница. Я знал, что Вы себе не враг. Будьте готовы за час до указанного времени. Деньги увяжите в брикет и упакуйте в плотный полиэтиленовый пакет. Сядьте в свою машину и ждите на стоянке. Вам позвонят. Если будет обнаружен “хвост”, договорённость отменяется. За вами будет установлен контроль. Так что без глупостей. А гарантий у Вас нет”.

Весь день Чибисов занимался сбором денег. Последнюю сумму ему должны были передать завтра в обед.

Вечером, когда он ещё сидел в кабинете, позвонила Наталья. Ей нужна была доверенность на переоформление машины.

– Привет!

– Привет!

– Как дела, дорогой? Что такой кислый голос?

– Разве?..

– Ну, мне ли не знать! Забыть я ещё не успела... Что-то случилось?

– Да так... – неопределённо протянул Глеб. – Ты-то как? Как твои переводы?

– Всё по-прежнему... Леплю новые книги из старого импортного содержимого. Питаюсь чужими эмоциями и изливаю свои.

– Ты-то что звонишь? Родители как?

– Всё в порядке. Мне просто доверенность на машину нужна. Может быть, поменяю. Что-то она барахлить стала.

– Ладно. Не вопрос. Освобожусь на днях – перезвоню. Ну, пока!

– Пока!

На секунду ему показалось, что из трубки на него повеяло знакомым тёплым запахом их старой кухни.

Вечером в своём почтовом ящике он обнаружил комплект ключей от квартиры. Тот самый, который он давал Юлии. Её вещи из квартиры тоже исчезли. Записки не было. К своему удивлению, он ничего не почувствовал.

Уже перед сном, зайдя в ванную комнату, Чибисов в очередной раз увидел своё отражение в зеркале. Он глядел на себя, ловя виновато-ускользающий взгляд, словно пытаясь разглядеть что-то, что могло объяснить причину происходящих с ним в последнее время событий.

– Ну, что, дружок, приехали... А чего ты, собственно, ждал?

За час до условленного срока Чибисов сидел в своём “Крузере” на стоянке возле офиса. Пакет с деньгами был при нём.

Раздался звонок его мобильного. Абонент не определялся. Глеб взял трубку:

– Вас слушают!

– Трогай с места и направо по Тверской. Держи трубу при себе. Мы отслеживаем тебя по GPS. Быстро не едь. – Раздались гудки отбоя.

Глеб вёл машину по Тверской. Телефон опять зазвонил.

– Сворачивай в Старопименовский переулок.

Они гоняли его по центру Москвы кругами более часа. Очередной раз телефон зазвонил, когда он двигался по Ворсонофьевскому переулку.

– Остановись. Видишь справа зелёную урну?

– Да.

– Брось туда пакет с деньгами и быстро уезжай. До связи.

Он выполнил это указание. Больше его телефон не звонил. Отчего-то внезапно навалилась усталость. На стоянке возле офиса он остановился и долго сидел за рулём, глядя перед собой.

Наталья взяла трубку сразу, словно держала её в руке.

– Привет!

– Привет!

– Ты дома?

– Нет ещё. На работе, но буду через час.

– Я подъеду...

Из открытой двери квартиры потянуло знакомыми запахами. Наталья встретила его в незнакомом ему весёлом кухонном переднике.

– Проходи. Я тут котлетки жарю. Кстати, твои любимые!

Она ушла на кухню. Он разулся и молча постоял в прихожей, узнавая свою квартиру. Когда-то они долго обставляли её вместе с женой на тогдашние, ещё скудные заработки. Затем прошёл на кухню. Наталья что-то говорила, стоя у плиты спиной к нему.

– Вот всё готовлюсь в приезде Данилы... Думаю – как мы ему всё сообщим.

Глеб подошёл и обнял её сзади. Прижался, ощущая знакомые изгибы её тела и родной запах. Ему хотелось заплакать, но он не умел. Наталья замолчала и стояла не шевелясь. Запахло чем-то горелым...

Прошло несколько месяцев. Наталье Глеб не стал ничего рассказывать. Поначалу он с беспокойством ждал звонков от “доброжелателя”. Но всё заглушала радость возвращения тёплых отношений с Натальей. Не проходило сладкое ощущение нашкотившего ребёнка, которого простили не наказывая. Словно нашлось что-то утерянное. Он даже немного прибавил в весе.

Встречать Данилу в Домодедово они поехали вместе с Натальей. Разговор начали уже в машине, отъехав от здания аэропорта.

– Ну что, сынок, поздравляем с очередным прибытием на “побывку”!

– Да нет, папаня... Я – насовсем! Хороша страна Швейцария, но двух лет мне хватило за глаза!

– Что так, милый? Чем тебе Европа не угодила? – Наталья с Глебом переглянулись.

– Посмотрел я на их жизнь... Там своих “заморочек” хватает. Внешне там вроде бы всё хорошо. Но жить-то мне здесь. И именно к этой жизни я и хочу быть готов! Вы меня должны понять. Да и деньги целее будут...

– Ну, так тому и быть! А, мать?

Звонок от Кондарчука раздался в четверг вечером.

– Привет, Глебушка! Как поживаешь, книжный червь?

– Здравствуй, Федя! По-прежнему всё. Бумаги на наш век хватит!

– Пригласить тебя хочу на “прогон” моего нового малобюджетного фильма. Приходи с супругой. Ну, ты знаешь, на “Мосфильме”. Пропуска я закажу. Завтра в 18-00. Не опаздывай. Ты к этому фильму тоже отношение имеешь.

– Замётано. Завтра будем. – Последняя фраза Фёдора слегка озадачила Глеба.

В небольшом просмотровом зале им с Натальей достались места справа, в предпоследнем ряду. Действие происходило в наше время в Москве. Фильм был динамичным. Он увлёкся. Но постепенно что-то стало смутно беспокоить его. Словно кто-то снимал фильм с его участием, но без его ведома. Чибисов стал узнавать события, главным действующим лицом которых он был совсем недавно. Один к одному! Как это могло быть? Он с нетерпением ждал развязки.

– Что с тобой, Глеб? Тебе нехорошо? – что-то почувствовала и зашептала Наталья.

– Нет, милая. Всё в порядке.

Вот он входит в дом и видит труп мужчины. Выбирается через окно. Всё совпадало! Вот он бросает деньги в урну... В развязке фильма всё оказалось подстроеным. Розыгрыш! Труп – это муляж, кровь – клюквенный сок! Деньги вернули.

В зале загорелся свет. Глеб сидел, глупо улыбаясь, пока его не тронула за руку жена.

Всё встало на свои места. Члены съёмочной группы и актёры, под аплодисменты присутствующих, вышли на сцену. Чибисову показалось, что один из стоящих на сцене во втором ряду озорно подмигнул ему.

Всё закончилось. Зрители потянулись к выходу. К Чибисову подошёл улыбающийся Кондарчук.

– Ну что, братец, разреши поблагодарить тебя за услугу. Это ведь по мотивам тех рассказов, которые я как-то прихватил у тебя со стола в твоём кабинете. Разве не помнишь?

– А ведь я в них так и не заглянул... Как-нибудь я тебе разъясню, Фёдор, насколько я тебе благодарен!

– Это за что же? – Кондарчук прищурился, недоумённо улыбаясь.

– Не забирай ты тогда эти бумаги у меня со стола, не произошла бы цепь событий, которая вернула меня домой. Билет стоил недёшево, но я не жалею. Но это уже сценарий другого фильма, в котором голос за кадром мог бы сказать: “Вот вам, кстати, и за японские машины!”

17.01.14

А.И.

Белый лист

Короткая повесть

Глава 1

Охотников зарезать пастуха вызвалось сразу несколько человек. Они долго возились с ним, прижимая коленями, лежащее на земле, худое тело. Стрелять было нельзя. Семёнов краем глаза видел, как ещё долго подёргивались ноги убитого. Стояла почти полная луна.

Через нашего таджика-переводчика капитан Ермаков долго допрашивал пожилого пастуха, которого к нему притащили разведчики. Этот тшедушный местный житель был напуган и простодушно рассказывал всё, о чём его спрашивали. Когда ему в лицо светили фонариком, были видны его небритые щёки и острый, заросший многодневной щетиной кадык. Оставлять его было нельзя. Все понимали это и старались не смотреть пленному в глаза. Но то, что из разведгруппы убрать его вызовутся сразу трое, всё-таки неприятно удивило старшего лейтенанта Алексея Семёнова.

Он воевал севернее Кабула уже третий год из девяти с начала военных действий и успел заметить, что отношения с местными усложнились. Да и наши стали всё воспринимать по-другому. Ожесточились. Теперь шла подготовка к какой-то новой войсковой операции, и этот рейд возглавлял лично командир полковой разведки Ермаков.

В расположение своей части они вернулись только под вечер следующего дня. Семёнов принял душ и завалился на свою кровать. На душе было непривычно муторно. Ужасно хотелось выпить. Гашишем он не баловался, хотя иногда и задумывался об этом, глядя на других офицеров. Его не покидало чувство внутреннего напряжения. Сон не шёл.

Обычно кадровые офицеры отбывали в Афгане два года. Он же как неженатый сам подписался на “второй срок”. Воевать ему нравилось. Об остальном он старался не думать. За время службы здесь дома он успел побывать два раза.

Второй раз ехать пришлось на похороны отца.

Отец лежал в гробу в привычно застёгнутой на все пуговицы белой сорочке. Он, чисто выбритый, без обычной папиросины, зажатой в тонких губах, в окружении старух в чёрных платках, выглядел как-то по-другому. Мать обняла Алексея, глянув сухими, заплаканными глазами. Вспомнились деревенские поминки. Заскорузлые руки и обветренные лица односельчан, сидевших за поминальным столом.

Семёнов лежал на койке, уставясь в потолок палатки, и перебирал в памяти события последней поездки домой. Потом невольно вспомнилось детство. Река и лес за околицей. Школа. Как мать с отцом гордились, когда он поступил в военное училище. Припомнились его приезды на побывку. Как, словно ненароком, по очереди заглядывали в их дом соседи, почему-то стараясь говорить шёпотом. Вспомнилось непривычное после казармы приятное отпускное валяние на пуховых материных подушках. Глазунья с салом. И только сейчас защемило: как же они его любили...

...Отец, высокий и сухой, крепко держал его за руку. Они шли по скошенному лугу, и Алексей снизу вверх смотрел на него. Полуденное солнце било в глаза, он щурился. Стерня покалывала босые ступни. Он был охвачен безотчётной радостью, предвкушением чего-то чудесного. Во сне он отчётливо видел профиль отца; зажатую во рту дымящуюся папиросу и поросший короткими чёрными волосами острый его кадык...

Он очнулся утром и ощутил, как под ним от пота намочила подушка и простыня. Привёл себя в порядок. Выбрислся. Надевая португую, Семёнов зачем-то достал из потёртой кобуры табельный пистолет и разобрал его. Затем собрал, неожиданно ощутив непривычно весомую тяжесть злого воронёного металла, словно впервые взял его в руки. Ещё раз поглядев в зеркало, укреплённое на стене рядом с кроватью, вышел из палатки в уже жаркое утро.

Глава 2

Уволившись в запас, Семёнов поехал на родину, к матери, которая после смерти отца как-то съжилась, словно вдруг стала меньше ростом. Он пытался разговорить её, как-то отогреть в общении. Хлопотал вокруг неё. С собой он привёз ей гостинцы; в том числе и цветастый иранский платок, купленный им на базаре в Герате. Мать же, хоть и горячо благодарила его за подарки и платок, не надев, спрятала его в шкаф. Позже они вместе сходили на кладбище на могилу отца. Убрались, хоть там и было опрятно. Потом долго сидели, вспоминая моменты прежней теперь уже жизни. На фото, вделанном в металлический обелиск со звездой, отец был немного моложе.

Несколько дней Алексей валялся дома на диване перед телевизором, изредка выходя прогуляться на улицу. Бродил по знакомым с детства местам и ждал, что воспоминания разбудят в его душе что-то недавно уснувшее и радостное. Пару раз встречался с бывшими одноклассниками, осевшими в родном селе. Пили водку, балагурили, вспоминая прошлую жизнь. Но что-то не срасталось. Действительность словно усохла до не радующих глаз серых некрашенных сельских заборов и показавшегося ему совсем маленьким школьного двора.

Ближайшая лесопилка закрылась. Совхоз совсем захирел. Мужики, кто мог, подались на заработки в другие места. Оставшиеся в селе попивали втихую. Алексей пытался разобраться в происходящем, но, как ни старался, не мог представить себя в этой, ещё совсем недавно казавшейся естественной, сельской жизни. Пора было двигаться дальше.

В Москву он решил ехать после того, как созвонился с другом – товарищем по учёбе в училище. Серёга Тарутин был единственным москвичом в их роте. Он, почти сразу после начала службы, поняв, что это не его стезя, под каким-то предлогом ушёл из армии и подался в коммерцию. Наступали другие времена, и погоны пехотного лейтенанта уже мало что значили. В восемьдесят восьмом Сергей успел организовать кооператив, занимавшийся торговлей подержанной оргтехникой. Бывал в Германии и Голландии.

Сергей, как и Алексей, был ещё не женат. Высокий и чернявый, он обладал тем свойством, которому нельзя было научиться или имитировать: он умел искренне радоваться жизни. Алексей всегда втайне завидовал этому его качеству и в своё время успел многое перенять.

Вечером они крепко посидели у Сергея в его “однушке”, в Отрадном. Отдельно вспоминали самоволки и походы на танцы в различные клубы на рабочих окраинах города, которые частенько заканчивались потасовками с местными парнями. Женщины всегда любили Сергея. Особенно женщины среднего возраста.

– Почему из армии-то ушёл, Лёш? Что-то на тебя это не похоже.

– Да так... Надоел бардак. – Ему не хотелось распространяться на эту тему. Даже себе самому он не всё мог объяснить. – Хотя ты прав: со всеми вместе, по течению плыть всегда легче. Думать не нужно.

– В общем-то, правильно сделал. Давай выпьем за наше будущее! Чтобы его обеспечить, локтями придётся потолкаться! Время уникальное. Такого больше никогда не будет, брат. Стоит подсутиться.

– Маленькое “алаверды”! За тебя, Серёга, выпить хочу. Заразил ты меня, в своё время, чувством юмора и самоиронии. Оно меня всегда выручало. А уж в наше время без него – совсем никуда! Да и твой природный оптимизм тоже заражает!

– Да брось!

Сергей тыкал вилкой в селедочный салат, пытаясь подцепить что-то существенное для закуски.

– Непокойно нынче. На Кавказе видишь, что творится... Что дальше будет?

– Да минует нас чаша сия! Наше дело сторона. Пусть воюют военные, профессионалы так сказать, а я автомат в руки больше не возьму и тебе не посоветую. Ты, небось, видел, какие от него дырки в человеках делаются?

– Закрыта тема. Замётано.

Они с удовольствием ещё выпили и занюхали каждый своим.

Приятель коротко, на пальцах, смог разъяснить суть происходящих в стране перемен и уникальность этого времени для них. Много не укладывалось в голове Алексея.

Сам Сергей мечтал со временем перебраться в Европу или Штаты. На тот момент Семёнов не воспринимал эти его разговоры всерьёз. Они напоминали ему рассказы о загробной жизни, в которую верилось с трудом.

Перед сном, уже хмельные, смотрели курсантские фотографии в старом альбоме Сергея. Молодые лица, недавно познавшие прикосновение бритвенных лезвий, смотрели на них с фотографий.

По настоятельному совету друга Алексей решил пойти на компьютерные курсы.

– Поверь мне, брат, – за компьютерами будущее! Ты бы посмотрел, как это дело в Европе продвинуто. Скоро всё к нам хлынет! Я вот на этих железках уже хорошо поднялся. А это только начало! Так что настоятельно рекомендую!

Прожив у приятеля несколько дней, Семёнов снял комнату в районе метро “Бибирево”. По его подсчётам, его накоплений должно было хватить на год.

Хозяйкой двухкомнатной квартиры, в которой Алексей снял комнату, оказалась пожилая женщина, жившая с детьми. В квартире она появлялась один раз в месяц, чтобы забрать деньги за аренду.

С неделю Семёнов болтался по Москве, узнавая её в новом, неряшливом и страшноватом, постперестроечном обличье. Шатался по нарождающимся рынкам, слушал разговоры людей в метро и на улицах, постепенно осознавая суть времени, которое сейчас затопило необъятное пространство России.

В этом пёстром потоке можно было встретить и привычных обывателей, и бритоголовых братков, прищуренных кавказцев и увенчанных радужными ирокезами подростков, в обнимку с их пирсингованными подружками, растерянных пенсионеров и активистов различных политических течений, громогласно возвещающих свои партийные истины в общественных местах.

Алексей иногда останавливался и прислушивался к стихийным разговорам, которые возникали часто прямо на улицах. Люди возбуждённо обсуждали текущие политические дела. Он не мог рассудить или чем-то помочь им и потому старался внушить себе, что его это не касается. Старался взрастить в себе устойчивость отрешённости от происходящего, отгородиться выдуманной стеной.

Вскоре объявили о выводе советских войск из Афганистана.

Глава 3

Голубоватое блюдце горловины зиндана всегда было первым, что Семёнов видел, открывая глаза по утрам. Оно меняло свой рисунок в зависимости от времени года и времени суток. Если он просыпался ночью, блюдце всегда было чёрным, с блестящими дырочками звёзд. Яма, в которую его садили на ночь, была расположена на ничьей земле, выше по склону. Её вырыли на отшибе за подворьями горного аула. Отгороженная от чужих взглядов небольшими кустами, она была не видна посторонним. Когда шёл сильный дождь, горловину прикрывали. Аул был совсем небольшим: всего несколько дворов. Алексей сидел в этой яме с весны.

Семёнов попал в плен случайно, за компанию с ещё двумя солдатами-срочниками, когда уже должен был возвращаться в Москву после ремонта и наладки спутниковой аппаратуры в одной из воинских частей в Чечне. Он напросился к ним в “Урал”, чтобы добраться до части, которая была ближе к Гудермесу, планируя оттуда пристроиться к какой-нибудь оказии. При обстреле их небольшой колонны БТР сопровождения сожгли вместе с бывшими в нём бойцами.

Бородатые мужчины, перекидываясь между собой гортанными фразами, подняли их, лежащих в кювете, и, подталкивая в спину стволами автоматов, увели от дороги в горы. Молодые солдаты были сильно напуганы и шли, затравленно оглядываясь на боевиков.

Их держали в погребе, недалеко от того места, где взяли в плен. Заправлял всем некий Исраил. Через несколько дней солдат увезли куда-то дальше. Семёнову же вначале угрожали, предлагая заплатить выкуп. Потом долго били. Сломали несколько рёбер. Почти не кормили. К концу первого месяца одежда на Алексее болталась, словно он опять стал девятиклассником. Но больше всего его изводила духота и вонь этого погреба.

За это время здесь побывали ещё несколько пленных, которых впоследствии так же увозили в неизвестном направлении. Он успевал переговорить с этими людьми о том, что происходило там, на воле, в местах, которые были так желанны и недоступны теперь. Скорее всего, его никто не искал.

Ему начинало казаться, что конца этой жестокой бессмысленности не наступит никогда. Семёнов пытался держаться за что-то, невнятно твердящее в его сознании неизвестной субстанцией. Это “нечто” не давало ему скатиться в животное состояние абсолютного страха. Он твёрдо решил никому не звонить. Да, в сущности, и некому было.

Наконец поняв, что за этого гражданского никто не заплатит, в последней попытке устрашения, боевики отрезали Алексею фалангу мизинца на левой руке. Крови было немного.

На третий день после этого его забрал высокий, крепкий старик чеченец. Семёну завязали глаза и, связав руки сзади, усадили на заднее сиденье старого уазика. Везли его долго, и счёт времени Алексей потерял. Местности он не знал и потому ориентироваться не мог. Он только понял по натужному звуку работы двигателя, что его везут куда-то в горы. При тряске на ухабах грудная клетка непрерывно вспыхивала острой болью; давали знать о себе сломанные рёбра. Старик всё время молчал.

Глава 4

Через год Алексей окончил компьютерные курсы при Бауманке и даже получил соответствующий диплом. Параллельно, не теряя времени, изучал спутниковую связь и навигацию.

За прошедшее время он успел пообтереться в этом огромном городе, постичь алгоритм его жизни. Москва уже не пугала его, как раньше, бешеным темпом движения машин и людей, безразличием окружающих и ощущением собственной инородности. А через пару лет он уже не мог представить себя живущим в каком-либо другом месте. Алексей без опаски плыл в этом потоке, льющемся с экранов телевизоров и радиоприёмников, бурлящем на площадях и вокзалах. Новая жизнь растекалась полноводной рекой, прорвавшейся в их жизнь из каких-то неведомых далей.

Сменил две работы. Появились знакомые и приятели. Деньги были, но без собственного жилья в Москве Семёнов не ощущал устойчивости и потому не расслаблялся, стараясь заработать больше.

Матери Алексей звонил регулярно, с каждым разом беспомощно ощущая, как на какую-то неизмеримо малую, незаметную и неопишемую словами величину её голос становился слабее, словно кто-то, от звонка к звонку, неумолимо поворачивал против часовой стрелки колёсико незримого регулятора. Через год её не стало.

Всё это время они нередко пересекались с Сергеем, который здорово поднялся за это время в своём бизнесе. Частенько брали девчонок, которых у его друга всегда было достаточно, и уезжали на шашлыки, на дачу, доставшуюся тому от родителей.

К своей мечте – переезду в Германию – Тарутин шёл полным ходом. Он уже оформил вид на жительство и открыл “там” бизнес. И действительно, через год, устроив шумную отвальную, Сергей улетел. Москва – Гамбург, билет в один конец.

Несколько раз Семёнов побывал в Турции и Египте. “Заграница” только открывалась для наших. Планировал съездить в Европу к Сергею.

Со временем Алексей смог уловить, нащупать тонкую субстанцию сути и перспектив того дела, которым занимался. Теперь он стал осознавать смысл часто повторяемой Сергеем мысли об уникальности времени, которое им досталось и которое нельзя было упускать. Он часто, словно мантру, повторял эту фразу: не зацепишься сейчас – потом будет труднее! Алексей стал подыскивать заказы на стороне. Своё дело требовало клиентской базы. Контракт с фирмой, которая была связана с “воjками”, подвернулся как-то неожиданно.

В стране всё напряжённо гудело, словно кто-то неведомый раздувал пламя в метафизической российской топке. Начались военные действия в Чечне.

Глава 5

Через несколько дней Семёнов, всё время ожидавший чего-то худшего, с внутренним недоумением, начал осознавать, что ему повезло. При слове “повезло” он непроизвольно усмехнулся.

В летней кухне ему нагрели воды. Дали вымыться в старом эмалированном корыте и постирать одежду. Даже выдали поношенный, но чистый ватник. Его старый, пропахший псиной, армейский бушлат сожгли на задворках.

Заглянув в обломок зеркала, укрепленного на стене, Семёнов увидел незнакомое лицо исхудавшего и небритого человека, отдаленно напоминавшее ему самого себя. Позже, старик принёс и молча протянул ему старую опасную бритву и кусок мыла.

В первое время его даже не привязывали, очевидно поняв, что в таком состоянии он никуда не сбежит. Да и куда? Он всё равно не знал, где находится. Старик молча занимался хозяйством. Частенько на их подворье заходили соседи. О чём они говорили с хозяином, Алексей не понимал.

Первые несколько дней он просто ел то, что ему давали, и сидел на старом бревне подле колодца, в центре двора, подставляя лицо набиравшему силу весеннему солнцу.

Огромная мохнатая овчарка слонялась кругами по двору. Старик несколько раз прикривал на неё, видимо остерегаясь чего-то с её стороны. Но пёс только ложился в нескольких метрах от Алексея и молча смотрел на него. Пёс был серьёзным. Кромки его обрезанных ушей демонстрировали рваные края – свидетельства многочисленных схваток. Через несколько дней он лёг совсем рядом с Алексеем. Он внимательно смотрел на Семёнова, словно вслушивался в смысл его негромкой речи.

– Привет. Ты тоже меня не любишь?.. А зря! Нам нечего делить. Тебе даже лучше, чем мне; ты у себя дома. Ну, что молчишь? Жаль, брат, что я не знаю, как тебя зовут. А то смог бы к тебе обращаться более уважительно. Как тебя зовут? Алмаз? Я слышал, как это слово твой хозяин повторил несколько раз. Но на вашем оно как-то странно звучит. Значит, Алмаз. Хорошо. Есть у тебя подруга? Нет? Скучно тебе, брат. Есть, наверно, а? Ты ведь пёс серьёзный. Бегают твои детки где-нибудь. У меня вот тоже нет пока никого. И скучно так же, как тебе. Ничего, прорвёмся. Бывает и хуже. Только времени жалко. Где-то там люди живут. Живут себе и не знают, что может с ними случиться. Живут и не знают, что есть на свете такая замечательная собака Алмаз...

Каждый раз, слыша звук своего имени, пёс на какое-то время поднимал голову и внимательно всматривался в лицо Алексею.

– Вот такие дела. Но уже лучше. Я ещё, как ты например, никого загрызть не смогу. Но уже лучше. И лето пришло. Птицы поют. Хорошо здесь у вас. Курорт прямо... Рёбра вот почти зажали.

Через несколько дней пёс подошел и лёг вплотную, прислонившись к ноге Алексея. Он поднял голову, заглядывая ему в лицо, будто приглашая к разговору. Заметив это, старик, работавший во дворе, остановился и долго смотрел на них, прикрыв рукою глаза от солнца.

Кормила Семёнова девушка, которой на вид можно было дать лет шестнадцать-семнадцать. Через пару недель они начали изредка обмениваться односложными репликами.

– Как тебя зовут, красавица? – Быстрый, острый взгляд в ответ.

– Мадина.

Волосы убраны чёрным традиционным платком, точёные черты, бледная кожа.

– Меня Алексей. Не бойся – кусаться я не умею. А как твоего отца зовут?

– Ахмад. Это не отец... это мой дедушка. Это он тебя у Исаила выкупил. Исаил наш дальний родственник.

- А родители твои где, Мадина?
- Мама умерла уже давно, а отец пропал...
- Как так пропал?
- Вот так. Уехал в Грозный и не вернулся. Уже несколько месяцев прошло.

На ночь его заперли в яме. В один из дней утром в горловину зиндана заглянул бородастый чеченец, в котором Алексей узнал Израила.

- Привет, русский! Домой ещё не надумал ехать? Может, позвонить кому хочешь?
- Так ты ж бесплатно не отпустишь!
- А ты как думал?! Бизнес, брат! Ну, сиди пока...

Затем до него донёлся их разговор с Ахмадом. Они говорили на повышенных тонах прямо возле зиндана.

В это утро его из ямы не выпустили. Со следующего дня на правую ногу стали надевать колодку. А через неделю Ахмад дал Алексею мотыгу и направил работать на прилегающий к дому огород.

За всё время Семёнов два раза явственно слышал отдалённый звук пролетающего вертолёта.

Глава 6

За время отсидки в яме у Семёнова появилась возможность подумать о многих вещах. Подумать и без суеты заглянуть в своё, совсем вроде бы не глубокое, прошлое.

Вспоминалась мать и её сестра Прасковья, тётка Алексея, изредка приезжавшая погостить из соседнего района.

Вспоминал дом и отца. Его рассказы и истории о родственниках, врезавшиеся в память с детства. В памяти без труда всплывали развешанные по стенам старые фотографии семьи деда и прадеда. С чёрно-белых дагерротипов, обрамлённых в самодельные простенькие рамки, на него сквозь время глядели напряжённые и торжественные лики его ушедшей родни – пращуров, которых он никогда не видел.

Живым он помнил только деда Николая по отцовской линии.

Дед Николай был железнодорожником. Отец как-то показал Алексею хранящийся в шкапке с документами дедов орден Октябрьской Революции. Из коротких рассказов отца Семёнов составил свою картину жизни его семьи.

Дед успел поработать в разных городах – от Москвы до Томска, переезжая всюду со своей семьёй. На работе его ценили. Во время войны у железнодорожников была “бронь” от армии. Подолгу Николаю нигде работать не доводилось – перебрасывали с места на место. Да это было и к лучшему – до доносов и зависти не доходило. В Караганде же служба задержала на несколько лет. Там и родился отец Алексея.

Как ни старался Николай, избежать “ежовых рукавиц” не получилось. Забрали ночью. Правда, продержав всего две недели, отпустили. Причина лежала на поверхности – пожалел “врага”, высленцев с Кавказа; чеченцев, с женщинами и детьми, выбросили из вагонов на пандус тупиковой грузовой ветки в тридцатиградусный мороз. На ветру, через пару часов этих худо одетых людей можно было бы зачислить в “убыль населения”.

Дед дал команду пустить их временно в пустующий “красный уголок” в клубе. Кто-то наступал.

Чеченцев и ингушей в ту пору в Караганду нагнали много. Местные их сторонились. После этого случая деда в их среде стали принимать как очень уважаемого человека. Пожилые чеченцы почтительно здоровались с ним на улице за руку.

А теперь он сидел у них в яме. Лёжа на спине, Алексей разглядывал звёздное небо, перебирая в памяти лица ушедших родственников. Жалел, что не расспросил подробней о предках, откуда были живы отец и мать. Теперь он последний их роду.

Отчего-то припомнился давний детский сон; изложение в классе. Белый тетрадный лист, лежащий перед ним на зелёной поверхности парты, и охвативший его ужас от осознания того, что он не знает, о чём писать. Он всё забыл. Со стен класса на него хмуро смотрели лики русских учёных и писателей, явно недовольных его конфузом. Приближавшаяся к его парте учительница доводила напряжение до предела, и он просыпался.

Алексей не мог понять, отчего в детстве этот сон часто повторялся; ведь ни отец, ни мать никогда особо не ругали его за плохие оценки.

Из нечастых коротких разговоров с Мадиной, Алексей осторожно, по крупицам выяснял обстоятельства жизни аула и причины своего нынешнего “везения”.

Ахмад, дед Мадины, до выхода на пенсию работал учителем, а в последние годы директором школы в Нехчи-Келое. На родину Ахмад смог вернуться не так давно; в далёком декабре сорок четвёртого, ещё мальчишкой, вместе с родителями и односельчанами он был выслан той властью из этих мест в Казахстан.

Их аул был расположен в нескольких километрах выше Нехчи-Келоя. На картах его не было. Так, летнее пастбище.

Полевой командир Израил до начала войны работал простым трактористом в колхозе. Израила Ахмад не жаловал. Но от родства, хоть и от дальнего, в этих местах не открестишься. Мадинка и сама не знала, зачем дед выкупил Алексея; с работой по хозяйству они и так справлялись, а лишних денег у них отродясь не было.

Мадина говорила неохотно, произвольно косясь при этом в сторону соседних подво-рий. Было видно, что она чего-то опасается. Для своих вопросов Алексей старался выбирать моменты, когда рядом никого не было.

Постепенно отношения с хозяевами становились более привычными и непринуждёнными. Старик по-прежнему больше молчал.

Глава 7

Мадинка... Мадина. Её лицо с насупленными бровями появилось на фоне утреннего неба в горловине зиндана, когда он уже проснулся.

– Вставай, русский! – Она улыбнулась. – Пора работать! – Длинная лестница медленно опустилась в яму.

– Книгу мне принести можешь? Совсем скучно мне в яме по вечерам. Хоть какую-нибудь!

– Принесу. У деда много их. Старые. Я тоже много прочитала.

И действительно, вечером, после ужина, принесла огарок свечи и потрёпанную толстую книгу. Глядя в сторону, произнесла:

– Ты прости, Алёша, но в дом мы тебя пустить не можем. Что соседи скажут? Что мы русского жалеем?

Он держал в руках послевоенное издание истории кавказских войн девятнадцатого века. Долго с удивлением листал, бережно переворачивая слегка пожелтевшие листы редкого издания. Книги хватило почти на две недели.

Работая в огороде, они иногда разговаривали с Мудиной. Девчонка никогда не была в Москве и исподволь расспрашивала о ней. Этот город она видела только на фотографиях. Когда она начинала говорить о Москве, её речь менялась и слова непроизвольно начинали произноситься нараспев. Почти всегда она умолкала, будто вглядываясь в выдуманные ею самой картинки.

Алексею становилось понятно, насколько ей хочется там побывать. Мечтала поступить в педагогический институт.

Алексей уже окреп и стал ориентироваться на местности. Приходили мысли о побеге. Через три месяца Ахмад, не надев ему на ногу колодку, в первый раз взял его в лес за хворостом.

Лес порастил его своей прохладной таинственностью и одарил ощущением свободы. Казалось, это ощущение рождается из разнообразных звуков, производимых происходящей в лесу жизнью. Лучи солнца, пробивая раскидистые кроны деревьев, создавали изумрудное марево. В лиственной палитре появились красно-жёлтые тона. Этот день казался посланным сверху, словно ниоткуда. Алексея посетило уже забытое чувство внутреннего покоя.

Наступил сентябрь.

Глава 8

Шум вертолётных винтов Алексей услышал, уже когда проснулся. Ждал не вставая. Мадина сегодня запаздывала.

– Ну что, дождался?! Вылазь, браток. – Два солдата, спустив лестницу в яму, помогли ему выбраться, сочувственно поддерживая под руки.

Молодой офицер в камуфляжной форме, без головного убора, стоял рядом с ямой, положив руки на автомат, висевший на шее. Капитан. По аулу ходили несколько бойцов, сгоняя немногочисленных его обитателей на лужайку к стоящему вертолёту.

– Капитан Дурнов, – представился. – Какой части будешь?

– Гражданский я. Семёнов Алексей.

– Повезло тебе, Семёнов. Случайно тебя обнаружили. Девчонка наводочку дала. Её благодарю. Тихонько так, подошла ко мне и кивнула в сторону кустов, где яма. Что-то тут нечисто. Ну, давай укажи на своего “хозяина”. Мы его с собой прихватим. Бумаги на базе в Ханкале оформим. А там – куда следаки выведут! Но без твоих показаний я с ними возиться не стану.

– Давай, Кузменко, гони мужчин сюда, к вертолёту! – крикнул он стоящему неподалёку усатому сержанту.

– А вас-то как сюда занесло, капитан?

– Исраила вот недавно “уговорили”. Где-то в этих местах его подельнички должны были отлёживаться. Заскочили так, для профилактики. Но, похоже, нет здесь никого.

Солдаты собрали всех. Четыре старика и двое подростков стояли перед ним нестройной группой. Ночью выпал, ранний для этого времени, робкий снежок. Ахмад тоже был с ними. Он стоял справа, опираясь на палку, отрешённо глядя перед собой на покрытую белой изморозью траву.

Мальчишки шурились, прикрывая глаза от солнца. Семёнов старался охватить взглядом загорелые, ничего не выражающие лица крестьян, выжидательно и в то же время равнодушно глядевших на него. Они знали, кто он и что может сказать.

Чёткий изломанный абрис сверкающих горных вершин на фоне синего неба висел над ними в почти звенящей тишине. Эта величественная и безмятежная картинка казалась неуместной декорацией для всего происходящего. Тихонько наигрывала музыка из радиоприёмника в кабине пилота.

Капитан нехотя покусывал травинку. Пригладил растрепавшиеся от ветра соломенные волосы, поглядел на наручные часы.

– Ну что, Семёнов? Все здесь. Который “твой”?

В дверном проёме сарая появилась Мадина. Она остановилась, прислонившись к дверному косяку, и, прикрыв глаза рукой от солнца, стала смотреть на группу мужчин. Поскуливал запёртый где-то Алмаз.

Повисла пауза. Семёнов ещё раз окинул взглядом смотрящих на него стариков и подростков. Остаться в стороне никак не получалось. Как-то вспомнился давний разведрейд и тот, зарезанный “охотниками”, таджик. Опять кто-то должен был умереть. Подумалось как-то обо всём сразу...

– Да нет, капитан. Этих никого не знаю. Я здесь только со вчерашнего дня. Глаза завязаны были. Ещё даже не покормили. Меня двое бородатых привезли – тех опознаю, если увижу.

Местные стояли не расходясь. Ровно на секунду взгляды Алексея и Ахмада пересеклись, зацепившись чем-то друг за друга.

– Ну, как знаешь. – Капитан покрутил над головой в воздухе рукой. – Отчаливаем!

Через минуту лопасти вертолёта начали медленно вращаться. Поднимаясь по трапу, Алексей успел помахать, всё так же неподвижно стоящей у сарая, девушке в чёрном платке.

Мадина не ответила. Но каким-то скрытым чувством Семёнов понял, что она заметила его жест и тоже попрощалась с ним.

Ночью в горах подморозило, и выпал первый снег. С вертолѐта вид земли напоминал причудливый чёрно-бело-голубой узор ковра, покрывшего горы и предгорья. Шум винтов дополнял всю картину. Неподвижно стоящие внизу люди, удаляясь, становились неразличимыми маленькими знаками, убегающими из поля зрения.

27.05.14

А.И.

Потерянный хвост

Рассказ

Этот чёрно-белого окраса пёс был необычайно крупным и молчаливым. Морда алабая* была покрыта зарубцевавшимися шрамами, а кромки обрезанных ушей демонстрировали рваные края – свидетельства многочисленных схваток. Его побаивался даже человек, дававший ему пищу. Хромой Ахмад, считавшийся его хозяином, работал в проборазделочном цехе, в отделе главного геолога нашего высокогорного рудника. На вид Ахмаду было под шестьдесят. Его засаленная тубетейка целыми днями мелькала в зарешечённых оконных проёмах проборазделки. Пастухи, прогонявшие мимо рудника отары овец и гурты яков, пытались сторговаться с Ахмадом, предлагая за пса хорошую цену. В горах ценились хорошие собаки.

На ночь Ахмад снимал с поводка и запирали огромную овчарку внутри помещения, тем самым обеспечивая сохранность оборудования и приборов. Днём же он выводил пса на улицу и привязывал к огромной пустой цистерне из-под воды, с незапамятных времён ржавевшей рядом со входом в проборазделку. Когда пса запирали в помещении, стальная цепь и старый ошейник из толстой бычьей кожи оставались лежать на земле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.